

ВАСИЛЬЕВ К.К.

ПРОФЕССОР С.Б.ДУБРОВИНСКИЙ (1885-1975) И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ “О ПАМЯТНЫХ ВСТРЕЧАХ”

У статті, яка випереджає фрагменти спогадів епідеміолога, доктора медичних наук, професора Самуїла Борисовича Дубровинського, приводяться основні віхи життя й діяльності вченого. Коротко охарактеризовані його спогади й, зокрема, фрагмент спогадів про академіка Миколи Федоровича Гамалея.

Видный отечественный эпидемиолог Самуил Борисович Дубровинский родился в Херсонской губернии в еврейской семье. Из его воспоминаний мы узнаем дату его рождения 17/30 октября. Но, увы, наша интеллигенция часто не умела переводить даты из юлианского в григорианский календарь, а ведь в юности Самуил Дубровинский жил и учился в Западной Европе, правда это было в начале XX в., когда разница между новым стилем и старым составляла уже 13 дней, а не 12, как в XIX ст. Можно предполагать, что он родился 17 октября по старому стилю, а, значит, по новому - 29 октября. Это наше предположение подтверждает справочник “*Наука и научные работники СССР*”, где даты даны только по старому стилю [1].

С.Б.Дубровинский не получал образование в гимназии, а только сдал экзамены за полный курс тогдашней средней школы при гимназии в Павлограде Екатеринославской губернии (ныне в Днепропетровской обл. Украины) в 1907 г. После этого он едет в Германию (Лейпциг и Берлин), где получил высшее медицинское образование. Заграничный диплом необходимо было подтвердить в Российской империи, сдав государственные экзамены при одном из наших вузов. Он это сделал в 1914 г. при Императорском Харьковском университете. Участник Первой мировой войны.

С 1917 г. С.Б.Дубровинский жил в Москве, которая со следующего года стала столицей Советской России. С 10 февраля 1919 г. он работает в Народном комиссариате здравоохранения РСФСР (Наркомздрав; НКЗ). Тогда он и познакомился с первым народным комиссаром здравоохранения РСФСР Николаем Александровичем Семашко (1874-1949), его заместителем Зиновием Петровичем Соловьевым (1876-1928), руководителем санитарно-эпидемиологической секции (СЭС) Наркомздрава Алексеем Николаевичем Сысиным (1879-1956). С того же 1919 г. научная деятельность С.Б.Дубровинского проходит в Государственном институте народного здравоохранения (ГИНЗ), где с февраля 1919 г. он был управляющим делами и секретарем института. Директором ГИНЗа был Лев Александрович Тарасевич (1868-1927), а его заместителем - Петр Николаевич Диатропов (1959-1934). Тропический институт ГИНЗа возглавлял Евгений Иванович Марциновский (1874-1934), а директором Микробиологического института ГИНЗа был Владимир Александрович Барыкин (1879-1942) [2]. В 1921 г. С.Б.Дубровинский переходит в Центральный бактериологический институт

Васильев Костянтин Костянтинович - доктор медичних наук, професор Медичного інституту Сумського державного університету

(до национализации - частный институт Блюменталья), а в 1924 г. был избран заведующим эпидемиологическим отделом Санитарно-гигиенического института ГИНЗа (директор - П.Н.Диатроптов).

В 1923 и 1924 гг. С.Б.Дубровинский был командирован Наркомздравом в Германию в качестве уполномоченного при Торгпредстве для оформления заказов на получение лабораторного оборудования для институтов и лабораторий. В 1928 г. по рекомендации московских врачей С.В.Дубровинский был направлен на лечение на немецкий кардиологический курорт в Наугейм, но в Берлине клиницисты предложили ему лечиться Карлсбадскими водами (ныне - Карлови-Вары, Чешская республика).

В 1931 г. в связи с реорганизацией ГИНЗа эпидотдел Санитарно-гигиенического института был передан Центральному институту эпидемиологии и микробиологии (директор - Лев Васильевич Громашевский /1887-1980/). Так С.Б.Дубровинский оказался в новом институте руководителем эпидемиологического отдела. В 1933 г. Л.В.Громашевский организовал Научно-исследовательскую лабораторию санитарии и эпидемиологии (НСЭЛ) на железнодорожном транспорте и Дубровинский перешел туда.

В 1930-х годах в Советском Союзе восстановили ученые степени и в 1936 г. С.Б.Дубровинский, по представлению Л.В.Громашевского - директора НСЭЛ, получил степень доктора медицинских наук без защиты диссертации.

С.Б.Дубровинский был активным участником всесоюзных (всероссийских) съездов бактериологов, эпидемиологов и санитарных врачей, которые проводились в 1918-1928 гг. [3]. По всей видимости он участвовал в работе II Съезда бактериологов и эпидемиологов (апрель 1919 г., Москва) и октябрьского 1919 г. совещания бактериологов и эпидемиологов (III съезд, Москва). Он был членом организационного бюро по созыву IV съезда (1920 г., Москва) и выступил на этом съезде с сообщением "*О деятельности Центральной сывороточно-вакцинозной комиссии*" [4]. Выступал так же с докладами на V (1921 г., Москва), VI (1922 г., Москва), VIII (1924 г., Ленинград), IX (1925 г. Москва), X (1926 г., Одесса) и на XI (1928 г., Ленинград) съездах бактериологов и эпидемиологов. О работе V-XI съездов им были опубликованы информационные сообщения, некоторых из них в Германии [5-13]. В 1931 г. на Всесоюзном съезде микробиологов он и Л.А.Зильбер были прикомандированы в качестве переводчиков к приехавшим на этот форум немецким ученым.

Таким образом, в 20-30-х годах он смог близко познакомиться с многими микробиологами и эпидемиологами. В том числе с Николаем Федоровичем Гамалеем (1859-1949), Даниилом Кирилловичем Заболотным (1866-1929), Семеном Ивановичем Златогоровым (1873-1931), Михаилом Акимовичем Морозовым (1879-1964).

Передо мной некролог Самуила Борисовича Дубровинского, написанный историком медицинской микробиологии А.А.Ефременко, который отмечает, что в 1944 г. С.Б.Дубровинский "*переехал*" в Ташкент, а нам остается неясно, в связи с чем вдруг столичный ученый подался подальше на периферию, в далекую Среднюю Азию [14]. Некролог был опубликован в 1977 г., а значит автор его не мог тогда сказать всю правду.

Сам же Дубровинский так пишет в своих воспоминаниях: *“Неожиданно для меня он (московский период деятельности - К.В.) был прерван в начале 1938 года. Это тянулось до конца 1943 года. Моя научная деятельность возобновилась лишь в начале 1944 года, но она протекала в других условиях и вне Москвы”*.

Как видим, и автор воспоминаний не решается рассказать, где прошли шесть лет его жизни. Мы можем только предполагать, что после ареста он попал в одну из “шарашек” ГУЛАГа, в один из секретных микробиологических институтов, где работал по специальности, что и позволило ему выжить. Здесь надо сказать, что многих ученых-микробиологов и эпидемиологов в 30-х годах постигла та же участь, что и С.Б.Дубровинского. Они оказались в застенках советской *“тайной полиции”* и если их сразу не расстреляли (как, например, одесского проф.Э.Ю.Гена в 1937 г.), то в дальнейшем им нашли применение в закрытых институтах, а значит им *“повезло”* - на лесоповал их не посылали и шансов выжить у них было значительно больше. В качестве примера назову два имени ученых - Н.А.Гайского (1884-1947) и Б.Я.Эльберта (1890-1963), арестованных в начале 1930-х годов, которые в *“шарашке”* исследовали механизм инфекции и иммунитета при экспериментальной туляремии. В результате ими была создана живая противотуляремийная вакцина. Их выпустили, и в 1946 г. даже присудили Сталинскую премию за разработку вакцины, той самой, которую они создали в заключении.

В 1944 году, точнее 4 января, Дубровинский приехал в Ташкент. Стало быть ему разрешили жить и работать в этом городе, но Москва была для него заказана. Ему было в то время 58 лет. Начался последний этап его жизни. В том же году ему было присвоено звание профессора по специальности эпидемиология и микробиология. В Ташкенте он работает научным сотрудником и руководителем отделов эпидемиологии и кишечных инфекций местного института эпидемиологии и микробиологии. Здесь он возобновил контакты с профессором-микробиологом Алексеем Дмитриевичем Грековым (1873-1957), который сразу по приезду его в Ташкент порекомендовал С.Б.Дубровинскому пойти к заведующему кафедрой эпидемиологии Ташкентского медицинского института. Однако, пишет автор воспоминаний, *“все же я не считал возможным в тогдашнем моем положении ориентироваться на педагогическую деятельность, и эта встреча с проф. Георгиевским тогда не состоялась”*. Знакомясь сейчас, в начале XXI века, с биографией ученого, приходишь к выводу, что возможно эта осторожная позиция бывшего зека была оправдана - она продлила ему жизнь. Самуил Борисович Дубровинский скончался на 90-м году жизни в Ташкенте в июле 1975 г.

Структура воспоминаний (машинопись их в моем домашнем архиве) следующая. I. О первых организаторах советского здравоохранения (Семашко, Соловьев, Сысин); II. О руководителях ГИНЗа (Тарасевич, Диатроптов, Марциновский, Барыкин); III. О других деятелях отечественной микробиологии и эпидемиологии (Заболотный, Гамалея, Морозов, Златогоров); IV. О руководителе Центрального института эпидемиологии и микробиологии, а затем научно-исследовательской лаборатории

санитарии и эпидемиологии Громашевском; V. К истории становления и развития микробиологии и эпидемиологии в Средней Азии (Греков); VI. О значении декрета об обязательном оспопрививании, принятого 10 апреля 1919 г. Предваряет воспоминания глава “Вместо предисловия”, где проф. Дубровинский кратко рассказывает о себе, а заключает - “Послесловие”.

Ниже впервые публикуются как эти две главы (“Вместо предисловия” и “Послесловие”), так и раздел об академике Гамалее - в 2009 г. исполняется 150-лет со дня его рождения. Все сноски автора публикации.

Николай Федорович Гамалея (1859-1949) - микробиолог, почетный академик АН СССР (1940) и академик АМН СССР (1945), лауреат Сталинской премии (1943). Он из старинного украинского казацкого рода. Карп Гамалея был военным судьей; Семен Иванович Гамалея (1743-1822) - переводчик и поэт; Платон Яковлевич Гамалея (1766-1817) - морской офицер, математик и механик, почетный член Петербургской АН; а дед микробиолога Михаил Леонтьевич Гамалея (1749-1830) был штаб-лекарем, врачебным инспектором в Туле [15].

Автор воспоминаний посчитал необходимым повторить известный факт о вступлении Н.Ф. Гамалея в члены КПСС и что по этому поводу академик писал. Жизнь как автора воспоминаний, так и его героя пришлось на трудное время для нашей интеллигенции, и не только для нее. На протяжении 1930-х годов периодически исчезали десятки микробиологов и эпидемиологов. Кто будет следующим и когда ночью за тобой приедут, никто не знал. Сын академика Гамалея - военврач Федор Николаевич в 1938 г. был репрессирован.

Инстинкт самосохранения заставил академика, в досоветский период не проявлявшего и намека не то что на левые, а даже на либеральные взгляды, в подходящий момент подать заявление с просьбой о принятии в партию, тем самым подавая сигнал власти о своей лояльности к ней.

В соответствии с духом того времени и Самуил Борисович Дубровинский собирался писать о материалистической направленности в трудах Гамалея, но этому помешал, надо считать, его арест.

1. Наука и научные учреждения СССР. - Ч.4: Научные работники Москвы. - М., 1930. - С.89.

2. Государственный научный институт народного здравоохранения имени Пастера (“ГИНЗ”). 1919-1924. Организация, деятельность и научные труды. - М., 1924. После предисловия вкладной лист с фотографией: “Торжественное заседание Института совместно с 4 Съездом бактериологов и эпидемиологов 30 августа 1920 года по случаю открытия Института”. Среди других С.Б. Дубровинский.

3. О всесоюзных (всероссийских) съездах бактериологов, эпидемиологов и санитарных врачей см. серию моих публикаций: X Всесоюзный съезд бактериологов, эпидемиологов и санитарных врачей им. И.И. Мечникова: К 50-летию со дня созыва // Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунобиологии (далее - ЖМЭИ). - М., 1977. - №6. - С.142-144; Первый всероссийский съезд бактериологов и санитарных врачей: К 60-летию созыва // Там же. - 1978. - №7. - С.142-144; Роль всероссийских (всесоюзных) съездов бактериологов, эпидемиологов и санитарных врачей в строительстве советского здравоохранения и развитии медицинской науки // Итоги и перспективы исследований по истории медицины. - Ташкент, 1980. - С.501-503; Роль всесоюзных съездов бактериологов, эпидемиологов и санитарных врачей в создании санитарно-эпидемиологической службы СССР // Из истории медицины. - Рига, 1980. - Вып.12. - С.32-36; Роль научных съездов в научной медицинской информации: (Из истории всероссийских и всесоюзных съездов бактериологов, эпидемиологов и санитарных врачей) // Советское здравоохранение. - М., 1980. - №6. - С.58-60; Роль первых

всероссийских съездов бактериологов и эпидемиологов в борьбе с эпидемиями паразитарных тифов: (К 60-летию IV съезда) // ЖМЭИ. - 1981. - №4. - С.106-109; Съезд, заложивший основы санитарно-эпидемиологической службы СССР: (К 60-летию VI Всероссийского съезда бактериологов и эпидемиологов) // Там же. - 1982. - №12. - С.102-103; 60 лет VII Всероссийскому съезду бактериологов, эпидемиологов и санитарных врачей // Там же. - 1983. - №10. - С.111-113; К 60-летию VIII Всероссийского съезда бактериологов, эпидемиологов и санитарных врачей // Там же. - 1984. - №10. - С.110-112.

4. *Дубровинский С.Б.* Из деятельности Центральной сывороточно-вакциной комиссии за 1920 г. // Известия Народного комиссариата здравоохранения. - 1920. - №1-4. - С.36-37.

5. *Он же.* V-ый Всероссийский съезд бактериологов и эпидемиологов // Московский медицинский журнал. - 1921. - №2-3. - С.108-120.

6. *Он же.* VI Всероссийский съезд бактериологов и эпидемиологов в Москве 3-6-го мая 1922 г. // Московский медицинский журнал. - 1922. - №3-4. - С.182-194.

7. *Он же.* VII-й Всероссийский съезд бактериологов, эпидемиологов и санитарных врачей // Московский медицинский журнал. - 1923. - №3-5. - С.203-214; - 1924. - №1. - С.200-210.

8. *Dubrowinski S.* Seuchenbekämpfung in Russland. (Bericht über den VII. Kongress der Epidemiologen, Bakteriologen und Hygieniker in Moskau vom 22-28. Mai 1923). // Desinfection. - 1924. - 9 Jg, Heft 4 (April). - 10 s.

9. *Дубровинский С.Б.* VIII Всероссийский съезд бактериологов, эпидемиологов и санитарных врачей // Московский медицинский журнал. - 1924. - №7. - С.130-144; №9. - С.161-171.

10. *Он же.* IX Всероссийский съезд бактериологов, эпидемиологов и санитарных врачей // Московский медицинский журнал. - 1925. - №7. - С.135-141.

11. *Dubrowinski S. und Bregmann L.* - IX. Allrussischer Kongress der Bakteriologen, Epidemiologen und Sanitätsärzte Moskau 25-31. Mai 1925 // Zentralblatt für Bakteriologie, Parasitenkunde und Infektionskrankheiten. Abt. 1. Referate. - 1926. - Bd.81. - S.49-67.

12. *Dubrowinski S. und Kranzfeld A.* Kongress der Bakteriologen, Epidemiologen und Sanitätsärzte der U.d.S.S.R. Odessa 5.-11. September 1926 // Zentralblatt für Bakteriologie, Parasitenkunde und Infektionskrankheiten. Abt. 1. Referate. - 1927. - Bd.86. - S.145-167.

13. *Dubrowinski S. und Bregmann L.* XI Kongress der Bakteriologen, Epidemiologen und Sanitätsärzte der U.d.S.S.R. Leningrad, 21-26. Mai 1928 // Zentralblatt für Bakteriologie, Parasitenkunde und Infektionskrankheiten. Abt. 1. Referate. - 1929. - Bd.92. - S.145-163.

14. *Ефременко А.А.* Памяти С.Б.Дубровинского // Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунологии. - 1977. - №10. - С.149-150. Портрет.

15. *Лабінський М.Г.* Гамалія Михайло Леонітович // Києво-Могилянська академія в іменах. XVII-XVIII ст. Енциклопедичне видання. - К., 2001. - С.133.

С.Б. ДУБРОВИНСКИЙ

О ПАМЯТНЫХ ВСТРЕЧАХ И КОНТАКТАХ С ВЕДУЩИМИ ДЕЯТЕЛЯМИ СОВЕТСКОЙ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ (из воспоминаний старого эпидемиолога)

Вместо вступительного слова

Ниже приведенным записям, мне кажется, целесообразным предпослать некоторые автобиографические данные, кратко осветить те условия, которые способствовали возникновению отмеченных встреч и контактов, а также указать на их значение в дальнейшей моей деятельности.

Я родился 17 октября (30 октября) 1885 года в провинциальном местечке Нововоронцовка, бывшей Херсонской губернии. Чтобы приобрести свое место в жизни мне пришлось пройти тяжелый путь. Стремясь с ранних лет приобщиться к новой культуре, мне пришлось среднее образование получить экстерном со сдачей экзаменов на аттестат зрелости при Павлоградской гимназии, бывшей Екатеринославской губернии. При существовавших условиях в царской России я, как еврей, лишенный соответствующих материальных средств смог получить медицинское образование вдали от Родины на медицинских факультетах в Лейпциге и Берлине. Затем в 1914 году, в начале первой мировой войны последовали

соответствующие испытания при Харьковском университете на звание лекаря. После этого я был мобилизован врачом на фронт. В 1916 году последовало ранение, а затем инвалидность.

Для обобщения своих знаний и в поисках своей будущей специальности, я в 1917-1918 гг. работал интерном в патологоанатомическом отделении в бывшей Солдатенковской (ныне Боткинской) больнице, заведующим которого был профессор (в будущем академик) Алексей Иванович Абрикосов¹. Здесь я познакомился с крупными в дальнейшем деятелями медицинской науки (В.Н.Виноградовым², Ш.Д.Мошковским³ и др.), которые часто навещали А.И.Абрикосова, чтобы присутствовать на вскрытиях, проводимых им с большим искусством.

По ряду привходящих обстоятельств я вынужден был оставить эти занятия и перейти на службу. Она началась деятельностью в гражданских учреждениях и совпала с началом строительства Советского здравоохранения. Она проходила в самом Наркомате здравоохранения РСФСР, а также в соответствующих московских центральных научно-исследовательских и научно-практических институтах, работавших в области эпидемиологии и микробиологии.

Уже в то время я мог заметить, что в Наркомздраве проводилась гигантская работа на новых началах. Ею руководили две категории людей. С одной стороны - это были люди с большим научным и практическим опытом в борьбе с заразными заболеваниями, приобретенным еще при старом режиме, а с другой - деятели новой формации, самостоятельно прокладывающие пути применительно к новым условиям и возникшим другим требованиям. Восполняя друг друга, обе стороны создали поучительный и весьма интересный альянс.

Последствия первой мировой и гражданской войн, создавшие разруха и голод при тяжелом эпидемическом состоянии страны в прошлом подготовили благоприятную почву для развития эпидемий инфекционных заболеваний в небывалых размерах. Страна изнемогала от паразитарных тифов, кишечных инфекций. Имели место и особо опасные, как натуральная оспа, холера и др.

У меня, как у определенной части советски настроенных врачей того времени - молодых и энергичных, была потребность отдать свои силы на борьбу с заразными болезнями, приносившими столько бедствий народу и молодой, строящейся стране.

По рекомендации А.И.Абрикосова я перешел 10 февраля 1919 года на работу в Санитарно-эпидемиологическую секцию (СЭС) Наркомздрава РСФСР, руководителем которой был Алексей Николаевич Сысин - гигиенист широкого масштаба и большого опыта. Наряду с выполнением специальных противо-эпидемических задач моими главными занятиями было секретарство в Центральной сывороточно-вакцинной комиссии, в Ученом Совете по организации Центрального научно-исследовательского института народного здравоохранения, получившего название ГИНЗ, а также в оргбюро по созыву съезда эпидемиологов, микробиологов и санитарных врачей. На всех этих 3-х участках неизменным председателем был профессор Лев Александрович Тарасевич, а его заместителем Петр Николаевич Диатропов. В состав совета ГИНЗа, когда он был сконструирован, входили кроме выше указанных двух лиц и директора намечавшихся частей, которые являлись автономными институтами. К последним относились профессора: Владимир Александрович Барыкин, Алексей Николаевич Бах, Николай Константинович Кольцов, Евгений Иванович Марциновский и Михаил Николаевич Шатерников. Членами сывороточно-вакцинной комиссии были известные тогда в стране микробиологи, инфекционисты и специалисты по производству бактериологических препаратов. Эта комиссия была научно-методическим центром по организации профилактических и лечебных специфических прививок. По

понятным причинам этот участок работы занимал весьма серьезное место в борьбе с различными инфекциями и, особенно, с натуральной оспой и кишечными.

Существовавшая эпидемическая обстановка требовала не только максимума сил для преодоления напряженного положения, но и творческого подхода и больших знаний со стороны руководителей данной работы.

Общение в течение ряда лет с указанными деятелями и многими другими специалистами, которые постоянно привлекались для консультации, а также непосредственная со многими из них работа и активное участие в проведении противоэпидемических мероприятий, выполненное в чрезвычайно тяжелой обстановке, определили мой будущий путь эпидемиолога, ставившего себе целью изучение эпидемиологических закономерностей, механизмов развития вспышек различных инфекций и методов борьбы с последними.

За такой длительный срок у меня было много встреч и контактов при различных обстоятельствах. Естественно, что в своем изложении я не могу остановиться на всем. Поскольку основой для этого будут личные наблюдения, не исключается, что в отдельных случаях будут действовать моменты случайности и, что о целом придется судить по отдельным штрихам и их взаимосвязям.

Достоверности изложенного будет способствовать то обстоятельство, что в течение всего описываемого времени я являлся не только наблюдателем, но нередко и соучастником происходившего. Эти моменты по мере изложения найдут свое отражение при освещении различных фактов.

Мои воспоминания будут сосредоточены на ведущих деятелях и их продолжительной роли при разрешении задач по оздоровлению страны и обеспечению благоприятных условий для охраны здоровья населения. Они стояли в центре описываемых событий. Нам кажется, что в аспекте их деятельности можно судить о пережитых событиях и значимости приводимых фактов.

Послесловие

В процессе освещения своих воспоминаний, моя покойная супруга, Вера Давыдовна, в порядке знакомства с материалами, отличаясь большой критичностью, однажды указала мне: *“Все твои люди очень хорошие, у них нет недостатков. Объективно ли это?”*. Такой вопрос может возникнуть и у других при чтении выше приведенных материалов. Что я могу на это ответить? Люди, конечно, остаются людьми. Недочеты бывают у каждого - у одних больше, а других меньше. Разбирая положительную деятельность незаурядных людей, я интересовался только тем полезным и ценным, что они сделали на благо других, а также теми обстоятельствами и теми силами, которые им помогали этого достигнуть. Всем остальным, как не обязательным, а возможно и случайным, я в работе не касаюсь. Для чего мне это? Я думаю, что такие элементы никому не нужны.

Я еще хочу сказать, что мое основное желание сводится к тому, чтобы никто не сомневался в том, что приводимые мною факты и положения действительно имели место в жизни, и что я все сделал, чтобы их объективно изложить. Не сомневаюсь, что все могут заметить в какой мере различна галерея выведенных лиц. Объем каждой части обуславливается раньше всего длительностью, интенсивностью и разнообразием контактов и связей с соответствующими деятелями.

Анализируя свое прошлое в аспекте связи с ним, я завидую тем, которые в течение своей жизни вносили пережитое в дневники. Такие материалы были и у меня. К сожалению, они, как и многое другое, по объективным причинам пропали. Остается только пожалеть об этом.

**Почетный академик Академии наук СССР
Николай Федорович Гамалея**

Многогранна деятельность одного из основоположников учения о микробах в нашей стране - почетного академика Академии наук СССР Николая Федоровича Гамалея. Он сумел использовать успехи микробиологии для борьбы с рядом инфекционных заболеваний.

Моя первая встреча с Николаем Федоровичем состоялась в 1919 году. По поручению СЭС Наркомздрава РСФСР мне вместе с А.И.Федорович⁴ пришлось обратиться к Н.Ф., поскольку он заведовал противооспенным Дженнеровским институтом в Петрограде. Здесь готовилась в относительно значительных количествах противооспенная вакцина. Одновременно Н.Ф. являлся консультантом в лаборатории профессора В.И.Недригайлова⁵, где готовились вакцины (бактерийные препараты) главным образом против кишечных инфекций. Как уже было отмечено, во всех этих препаратах была очень большая нужда у молодого еще Наркомздрава.

Роль Н.Ф. в последней лаборатории была не совсем определенная. Шеф лаборатории, бывший в то время председателем Петроградской сывороточно-вакцинозной комиссии, активным деятелем которой был Н.Ф.Гамалея, высоко ценил многогранные знания последнего и высказал сожаление, что они не в достаточной степени использовались на практике. В личной беседе он назвал Н.Ф. *“крупнейшим микробиологом в нашей стране и большим деятелем”*. Что касается обстановки в Дженнеровском институте, то она была довольно скромная. Тем не менее, Н.Ф. удавалось вместе с небольшим количеством сотрудников сделать многое. Благодаря его авторитетному участию еще 30 августа 1918 года в Союзе Коммуны Северной области было принято решение о всеобщем обязательном оспопрививании в этом крае. Проект положения по этому вопросу был представлен в докладе Н.Ф.Гамалея и в решении о нем было зафиксировано: *“принять полностью, опубликовать в печати и довести до сведения ЦК”*. После этого заболеваемость оспой в Петрограде быстро пошла на убыль. Этому способствовало то, что Дженнеровский институт обеспечивал Северный Союз достаточным количеством противооспенной вакцины. К тому же в Петрограде был разработан рациональный и действенный метод охвата населения вакцинацией и отчасти ревакцинацией.

Естественно, что Н.Ф. проявлял большой интерес к Ленинскому декрету от 10 апреля 1919 года об обязательном оспопрививании. Его институтом был полностью выполнен наш заказ Наркомздрава. Он много инициативы вносил в интенсификацию производства штамм-лимфы, которая в конце концов привела к тому, что он предложил новый метод получения противооспенного детрита. Он пользовался взрослыми животными (коровами), заражал весь покров их кожи до губ включительно и назвал этот метод *“интенсивным”* в отличие от общепринятого, который он считал *“консервативным”* методом. При первом методе можно было получить в несколько раз больше детрита, чем при общепринятом. Имевшиеся указания, что при интенсивном методе перегружается организм животного не помешало съезду, занимавшемуся этим вопросом, принять положительного решения, так как он в первую очередь был озабочен обеспечением страны, чрезвычайно нуждавшейся в противооспенной вакцине, надежно действующим препаратом. Известно, что в оспопрививательном институте им.Дженнера уже в начале 20-х годов стали получать интенсивным методом человеческих доз вакцины от телят до 200000 доз, а от коровы до полумиллиона.

Н.Ф. вносил и другие конструктивные предложения, как например, по использованию телят, менее дефицитных животных, как баранов, поросят и т.д. На противооспенном совещании в Москве в 1920 году Н.Ф. рекомендовал

использовать для приготовления вакцины органы зараженных штамм-лимфой животных. Ввиду недостатка в этом препарате и наличия больших потребностей в нем для реализации закона об обязательном оспопрививании, такое предложение встретило большое сочувствие участников съезда. Было предложено поручить институтам проверить условия, обеспечивающие возможность внедрения этой рекомендации в практику. Насколько мне известно, до этого не дошло.

По предложению Н.Ф. данное совещание рекомендовало Наркомздраву РСФСР создать Центральный противооспенный институт, в обязанности которого входило производство вакцины и методологическое руководство институтами и лабораториями, готовящими противооспенные штамм-лимфу и вакцины. Был объявлен конкурс на должность директора. На нее был избран Михаил Акимович Морозов.

В моих работах по оспе и оспопрививанию мне неоднократно приходилось контактировать с Н.Ф., и он всегда был готов консультировать всех, кто к нему обращался, в том числе и меня. Он поддержал мои предложения на IX и X съездах в 1925⁶ и 1926⁷ гг. о стандартизации противооспенной вакцины по методам Гинза, Грота и Кальмет-Герена. Он являлся председателем по этому вопросу на съезде в 1926 году и в комиссии, выделенной последним для принятия методических указаний. X съезд в своих резолюциях подтвердил и уточнил принятую на IX съезде резолюцию и проверенную рядом институтов в интервале между этими двумя съездами.

Следует отметить, что наше первое выступление по вопросу о биологическом контроле детрита с демонстрацией животных (метод Гинза и Грота) состоялось еще в 1924 году на научной конференции Контрольного института в присутствии П.Н.Диатропова под председательством Л.А.Тарасевича. Особый интерес проявили к этой форме контроля В.А.Любарский⁸ и выполнявшая контроль противооспенной вакцины Тогунова⁹.

Несмотря на ряд последующих с течением времени совершенствований, данная инструкция в своей принципиальной части долгие годы сохраняла свою силу. Успехи вирусологии позволили в последнее время перейти на более совершенные методы контроля вакцины.

Некоторое значение имеет предложение Н.Ф. на X съезде об использовании для антирабической профилактики вакцинации животных весь мозг иммунизированных кроликов, который после соответствующей обработки эфиром при термостатной температуре и сохранении в однопроцентном карболовом растворе является атоксичным, авирулиентным и сильно иммунизирующим препаратом. При этом животные не реагировали на введение этого препарата. В данном случае Н.Ф. предложил видоизмененный японский метод, пользовавшийся в то время большой популярностью в разных странах.

Хотя Н.Ф. относился к моей работе о вспышке коровьей оспы в одном совхозе среди коров и ухаживающего за ними персонала положительно, он мне указал, что даже в неблагоприятных условиях, при которых была выполнена работа, мне следовало отобрать биопробы и консервировать их в глицерине для дальнейших гистологических исследований. Здесь сказывалась особенность Н.Ф. как экспериментатора.

Среди многочисленных проблем, которые интересовали Н.Ф. при изучении отдельных инфекций (чума, сыпной тиф, холера, бешенство, туберкулез, грипп и др.) и борьбы с ними особое место занимает бешенство. Его личная связь по этому вопросу с Л.Пастером имеет историческое значение.

Он является первым в России, который с согласия и при помощи самого Пастера внедрил в Одессе антирабические прививки в бактериологической станции, созданной И.И.Мечниковым.

Сам Пастер высоко ценил выступления Н.Ф. в защиту Пастеровских прививок, независимо от того, что он являлся одним из первых, который признавал возможность появления поствакцинальных параличей при антирабических прививках. Это не мешало ему быть строгим приверженцем идей Пастера. В 1944 году в Москве состоялось Всесоюзное совещание по бешенству. В своем председательском резюме он согласился с моим тезисом в докладе по данному вопросу, который указывал на возможность непосредственной связи поствакцинальных параличей при антирабических прививках с последними.

Н.Ф.Гамалея относится к той плеяде русских ученых, который прежде чем рекомендовать какой либо биологический препарат для применения на людях, тем более, если он был еще недостаточно апробирован или содержал живой вирус, он его предварительно испытывал на себе лично. Это имело место и в отношении вакцины против бешенства, а также против холеры.

После создания Наркомздрава РСФСР по ряду причин во многих местах проводилась децентрализация антирабических прививок. Н.Ф. поддерживал это мероприятие.

О том насколько Н.Ф. интересовался изучением влияния внешней среды на развитие инфекционной заболеваемости, указывает то, что он свои идеи проводил в издававшемся им журнале (*“Гигиена и санитария”*, 1910-1913 гг.). Профилактическое направление этого журнала вполне соответствовало задачам, которые себе ставил Наркомздрав с самого начала своего существования. Ему принадлежит термин дезинсекция, которую он один из первых рекомендовал в борьбе с сыпным тифом.

Еще в 1902 году Н.Ф. проводил опыт дератизации, как метод борьбы с чумой. Это было в Одессе, во время эпидемии этой инфекции. Настоящей работой он показал эффективность сплошной дератизации для борьбы с чумой в портовом городе. Он также примерно в то время, когда был разрешен вопрос Николем¹⁰ в Тунисе о роли вши в распространении сыпного тифа совершенно самостоятельно указал об этом.

Во время нашего пребывания в Петрограде в 1919 году Н.Ф. просил нас передать руководству намечавшегося к открытию ГИНЗа, что он сочувствует организации такой ассоциации институтов с микробиологическим и гигиеническим направлением и выразил согласие быть полезным своей работой в нем. В своем заявлении в ГИНЗ он поднял вопрос об организации под его руководством вирусологического отдела. Как уже было сказано выше, к последнему приступили лишь после организации микробиологического института, где вирусологический отдел был создан последователем Н.Ф. - Л.А.Зильбертом¹¹.

Н.Ф.Гамалея сделал ряд открытий большого научного значения, из которых некоторые имели и эпидемиологическое значение. К ним относятся: работы о фильтрующихся вирусах, об изменчивости и эволюции болезнетворных организмов, об их иммунитете. Он также является первым, кто в своей работе о бактериолизинах, ведущих к разрушению микроорганизмов в организме хозяина, предвосхитил работы Туорта¹² и Д'Эрелля¹³, получивших впоследствии название бактериофагии. Когда вопрос об бактериолизинах по докладу Н.Ф.Гамалея *“Об бактериофагах и кластинах”* обсуждался на VIII съезде в 1924 году¹⁴, В.А.Барькин¹⁵ отметил, что советские микробиологи и иммунологи гордятся тем, что Н.Ф. является первым в мире, который поднял вопрос о роли бактериофигов, ставших сейчас известными под именем *“бактериофагов”*. Аудитория приветствовала автора. До последних дней своей жизни он разрабатывал теоретические вопросы, которые имеют практическое значение в борьбе с инфекциями. В этом отношении следует напомнить его работы о гриппе, туберкулезе и др. инфекциях человека. То же имело место при изучении инфекционной анемии лошадей и профилактической

вакцинации против бешенства животных, о чем уже было отмечено выше. Весь свой большой опыт микробиолога и эпидемиолога Н.Ф. использовал при проведении своей педагогической деятельности на кафедре микробиологии Второго московского мединститута¹⁶ и при распространении знаний среди широких масс населения. Всем известны его руководства и учебники по медицинской микробиологии (общей и частной), а также значительное количество научно-популярных брошюр, посвященных отдельным инфекциям. Особое место занимают его книги, посвященные оспопрививанию. Первая из них была выдана в 1913 году, а затем в переработанном виде 3 раза при Советской власти. Мы все на них учились. Несмотря на большие успехи, достигнутые при изучении этой инфекции, особенно в эпоху вирусологии, эти книги, являющиеся библиографической редкостью, полностью не потеряли своего значения.

На склоне своих лет, которые отмечались особым вниманием со стороны Советской власти и нашей научной общественности, Н.Ф. приступил к описанию важнейших событий в его творческой деятельности. Он здесь вспоминает многих корифеев науки, с которыми он сталкивался в своей работе. К сожалению, он этот труд не успел закончить, но, как известно, то, что он опубликовал в 1940 году в небольшой книге *“Два отрывка из воспоминаний микробиолога”* и в 1947 году первый том *“Воспоминания”*, представляет большую историческую и литературную ценность. Как бы хорошо было, если бы в архиве Н.Ф. нашлись соответствующие материалы, позволяющие продолжить публикацию указанных материалов¹⁷.

Прогрессивные идеи Н.Ф.Гамалея, научное творчество и общественная деятельность привели его на склоне лет в ряды Коммунистической партии. В своем заявлении по этому поводу он писал: *“...хочу быть в рядах ее партии, бороться за торжество диалектико-материалистических идей, за демократическое преобразование мира против реакционных философских идеологий, хочу идти с партией большевиков по верному пути, ведущему в коммунистическое общество”*.

Интересно подчеркнуть, что эти слова принадлежат человеку, который для этого своего поступка должен был многое передумать и в своей долголетней жизни. В этом отношении достаточно учесть, что он происходил из старинного украинского рода, известного выдающимися деятелями своей эпохи. Как я мог заметить при своем посещении Н.Ф. у него на квартире в Петрограде, на его письменном столе в старинной раме стоял небольшой портрет одного из его предков. Этот вельможа был облачен в соответствующее своему времени обмундирование. Выделялся его парик, напоминавший петровскую или более позднюю эпоху.

Н.Ф.Гамалея умер в 1949 году на 91-м году жизни. Институту микробиологии и эпидемиологии Академии медицинских наук СССР, крупнейшему в нашей стране в данной области, куда вошли соответствующие части из реорганизованных институтов ГИНЗа и других родственных институтов, присвоено имя почетного академика Академии наук СССР Николая Федоровича Гамалея.

В этом институте Н.Ф. посвятил свою деятельность в течение последних 25 лет своей жизни. В этот период он также привлекался, как официальный консультант, и в другие центральные научные институты, а именно: в Институт антибиотиков, Всесоюзный ветеринарный научно-исследовательский институт, в Армянский научно-исследовательский институт эпидемиологии и микробиологии. Не бесследно осталось его пребывание во время Второй мировой войны в курортном местечке Боровом (Казахстан).

Заканчивая свое изложение о Н.Ф., хочу добавить, что у меня было запланировано написать статью о материалистических направлениях в его работах. Я об этом написал Марии Николаевне (дочери Н.Ф.) и просил помочь мне получить

соответствующие материалы. Н.Ф. в то время находился на лечении в доме Ученых под Москвой. Мое письмо было ему передано. Он на нем сделал надпись с обращением к секретарю И.С.Грязнову с указанием, что надо обеспечить. Последний известил меня об этом. К сожалению, последовали события в моей жизни, которые помешали многому и в частности реализации этого дела.

¹Абрикосов Алексей Иванович (1875-1955) - патологоанатом.

²Виноградов Владимир Никитич (1882-1964) - терапевт.

³Мошковский Шабсай Давидович (1895-1982) - эпидемиолог и паразитолог.

⁴Федорович Анна Ивановна (1872-1933) - паразитолог и микробиолог, с 1918 г. и в начале 1920-х годов - сотрудник санэпидсекции Наркомздрава РСФСР.

⁵Недригайлов Виктор Иванович (1865-1923) - микробиолог.

⁶IX Всероссийский съезд бактериологов, эпидемиологов и санитарных врачей (Москва, 1925 г.).

⁷X Всесоюзный съезд бактериологов, эпидемиологов и санитарных врачей (Одесса, 1926 г.).

⁸Любарский Владимир Антонович (1881 - ок.1938) - микробиолог, профессор.

⁹Тогунова Александра Ивановна (1889-1977) - микробиолог.

¹⁰Николь /Nicolle Шарль-Жюль-Анри (1866-1936) - французский микробиолог, лауреат Нобелевской премии (1928).

¹¹Зильберт Лев Александрович (1894-1966) - вирусолог.

¹²Туорт /Twort Фредерик-Вильям (1877-1950) - английский микробиолог.

¹³Д'Эрелль /d'Herelle Феликс (1873-1949) - француско-канадский микробиолог.

¹⁴VIII Всероссийский съезд бактериологов, эпидемиологов и санитарных врачей (Москва, 1924 г.).

¹⁵Барыкин Владимир Александрович (1879-1942) - микробиолог и эпидемиолог.

¹⁶Второй московский медицинский институт - ныне Российский государственный медицинский университет.

¹⁷Гамалея Н.Ф. Воспоминания // Гамалея Н.Ф. Собрание сочинений. - М., 1953. - Т.5. - С.7-246. В данную публикацию вошла первая часть "Воспоминаний" (впервые опубликована в 1947 г.), незаконченная вторая часть и одна глава из третьей части.

Васильев К.К.

Профессор С.Б.Дубровинский (1885-1975) и его воспоминания "О памятных встречах"

В статье, которая предваряет фрагменты воспоминания эпидемиолога, доктора медицинских наук, профессора Самуила Борисовича Дубровинского, приводятся основные вехи жизни и деятельности ученого. Кратко охарактеризованы его воспоминания и, в частности, фрагмент воспоминаний об академике Николае Федоровиче Гамалея.

Vasylyev K.K.

Professor S.B.Dubrovinsky (1885-1975) and His Recollections "Of the Memorable Meetings"

The article, which anticipates the fragments of recollections of the epidemiologist, Doctor of Medicine, professor Samuil Borisovich Dubrovinsky, deals with the basic periods of life and work of the scientist. His recollections are described in short in the article, in particular the fragment of memories about academician Nikolay Fedorovich Gamaleya.